

Вот эта вот дочка бóльшая Валя. Ой, мы награвались страшна.

(Это вот в войну? А в какой это год?)

Эта была ф сорок треттем гаду, ф сорок треттем гаду. И, ну, правда, немцы. У ней вздулась лицо вот так усё, и паднялась как пузырьём, што сажжона была. Што нам делать? Сами ня знаем, чем. Помню, мая мама и гаварит: «Будет карявая, выбалит шшэка». А была в лясу... нахадилшы нямецкий блин[даж], эта, ну метпункт. Как бы там у немцах была. Мы знали, где эта находица. Была не была – пашли! Панесли эту девачку. Приш... принесли туда мы, сразу нямецкий врач пасматрел, памазал мазью ей и нам дал ешшо на раз. Фсё апала, принесли дамой и от. Толька атсталшы так немношка, как шрамик такой, но незаметна.

(Значит, немецкие врачи даже русским помогали?)

Да, да. Нам паёк давали, кагда от были ани аташолшы туда, пад Ленинград ужэ. А тут какие были, и был выделен нам паёк, паёк эта: хлеба давали, масла давали шыкаладнава, дажэ давали масла. Ну, от опшшэм с питания давали.

(Они тогда уже не расстреливали?)

Не-а, тагда ужэ они думали, што фсё, пакарили мы их. Ужэ мы как бутта бы как и ихные были. Тагда не расстреливали. Тишын... партизан от у нас тут патом не была, тишына была. Были дерявенские паставлена, дерявенский – дерявенский наш русский хызьяин был.

(Этот хозяин, он немцам тоже подчинялся?)

Немцам, да.

(А что он им, наверное, приносил что-нибудь?)

Ну, принасить – не знаю. Ну, можэ, в яво спрашывали нашчёт-та палицаиф где, то што-нибудь такое. Он ужэ как был бы глава дярэвни этай. Ня знаю.